
РОССИЙСКИЙ ГОРОД В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Города власти: административные центры России

В.Н. ЛЕКСИН

Статья подготовлена по материалам доклада автора «Россия – федерация региональных столиц?» на сессии L-02 «Трансформация социального неравенства в городских регионах» (руководитель сессии О.И. Шкаратан), проходившей в рамках IX Международной конференции ГУ–ВШЭ «Модернизация экономики и глобализация» (1–4 апреля 2008 г., Москва).

Постановка проблемы

Власть с ее «административным ресурсом» всегда и везде была и остается зримым, но крайне редко анализируемым фактором специфического градообразования, имеющего следствием появление столиц – административных центров государств, провинций, земель и т. д. Русское слово «столица» происходит не от числительного «сто», а от существительного «стол» как символа власти и бюрократии (низший уровень – столоначальник, высший – занимающий престол). Высшие органы и первые лица власти, распространяющей свое влияние на всю территорию государств или отдельных регионов, чаще всего размещаются в одной – столичной – точке, и эта точка почти всегда стягивает значительную (не пропорциональную численности населения) часть экономического и социального потенциала страны. Данное явление особенно явно сказывается на протекании экономических и социальных процессов в России и во всех ее регионах, и уже поэтому полезно оценить его причины, масштабы и последствия на общем фоне реформационных преобразований экономики страны в последние 15 лет.

Рассматриваемая проблема имеет и отчетливую политическую окраску. Напомним, что Российскую Федерацию образуют пространственно обширные (за исключением двух «городов федерального значения») субъекты федерации – республики, края, области, автономные округа. На их территории имеются все три ветви *собственной* власти: представительная, законодательная и даже судебная (конституционные и уставные суды, мировые судьи). В субъектах РФ есть свои региональные правительства и принимаются региональные законы,

представители субъектов РФ заседают в Совете Федерации, руководители субъектов РФ входят в состав Государственного совета России, региональные бюджеты являются участниками межбюджетных отношений с федеральным «центром» и т. д. Внешние¹ признаки такого субъектно-федеративного облика России де-юре присутствуют, и в то же время нам представляется очевидным, что де-факто в пространстве *федеративной* России все определяют совсем иные участники – *несколько десятков региональных столиц и крупнейших городов*. Именно они являются основными ступками социальной и хозяйственной жизни, которые способствуют восприятию большинства субъектов федерации как некой самодостаточной субстанции. Это феноменальное явление не случайно, а потенциальные возможности и реальные факты его воздействия на протекание и тенденции развития страны, на судьбы самого российского федерализма заслуживают особого рассмотрения [Лексин 2006].

После образования пяти новых («укрупненных») субъектов РФ в России осталось 84 региональных административных центра, вкупе с 15 другими крупными городами они составляют уникальный агломерат городских поселений, который качественно и количественно выделяется из общей массы населенных пунктов страны, вбирая в себя значительную часть всего демографического, социального и экономического потенциала регионов. При этом региональные столицы в подавляющем большинстве случаев стали самыми крупными по численности населения городами в своем регионе². Если на территории всех «региональных столиц» проживает около трети населения страны, то во многих субъектах РФ их доля в населении своего региона существенно выше: например, в Новосибирской области «столица» поглощает 53% областного населения, в Камчатской – 55%, в Томской – 47%, в Калининградской – 45%, в Республике Удмуртия – 40% и т. д.

Сосредоточивая в среднем около 30% населения, региональные столицы и указанные крупнейшие города формируют 40–70% валового регионального продукта каждого субъекта РФ, т. е. макроэкономическая отдача, приходящаяся на одного работающего в столицах и этих городах, в среднем на 80% выше, чем на остальной территории соответствующих регионов. Характерно и то, что рост экономических показателей в региональных столицах в 2001–2007 гг. на 10–30% (относительных) опережал рост (если он наблюдался) на остальной территории регионов. На территории региональных столиц (за исключением четырех вышеупомянутых субъектов РФ, где эти столицы существенно уступают по численности населения другим городам) формируется подавляющая часть доходов региональных бюджетов: в Екатеринбурге – до 50%, в Перми – около

¹ Проблемы фактической самостоятельности субъектов РФ рассмотрены в нашей статье [Лексин 2005].

² Крупнее региональных столиц по численности населения только Череповец в Вологодской области, Новокузнецк в Кемеровской области, Надым, Новый Уренгой и Ноябрьск в Ямало-Ненецком автономном округе, Когалым, Нефтеюганск, Нижневартовск, Нагань и Сургут в Ханты-Мансийском автономном округе, а также Норильск, который до «укрупнения» Красноярского края формально к нему относился, но располагался на территории Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа.

60%, в Челябинске – около 70% и т. д. При этом каждая вторая региональная столица имеет среднедушевую бюджетную обеспеченность ниже, чем остальная территория региона, и в 50 из них городские бюджеты из-за принятого порядка распределения налоговых доходов являются дотационными. В региональных столицах оседает от 40 до 80% всех инвестиций, приходящих на территорию каждого региона извне или осуществляемых предприятиями и другими инвесторами, находящимися на этой территории (например, в 2004 г. объем инвестиций в объекты Ярославля превысил 75% от всех инвестиций, размещенных в области), а доля инвестиций почти всех регионов, оседающая в их региональных столицах, ежегодно увеличивается на несколько процентов.

В региональных столицах уровень фактической безработицы на 30–40% ниже, чем на остальной территории регионов, а в последние годы число незаполненных вакансий в каждой второй столице вдвое превышает число желающих получить работу. Это в значительной степени связано с несоответствием квалификационных предпочтений столичных жителей и предлагаемой малопрестижной работы, но факт остается фактом: в большинстве региональных столиц существует дефицит рабочей силы, который покрывается (не полностью) только за счет миграции.

Региональные столицы производят в расчете на 1000 жителей в среднем на 32% больше стоимостных объемов платных услуг, розничной торговли и гражданского строительства, а в каждом втором регионе эти параметры региональной столицы выше на 17–33%. Региональные столицы остаются главными центрами науки и высшего образования – там трудятся более 80% научных работников страны и получают очное высшее образование около 90% всех студентов России. В этих городах сосредоточено 82% театров и 60% современных кинотеатров; в 2007 г. там было продано более 70% всей книжной продукции, реализуемой в стране, выписывалось и распространялось более 75% тиража всех периодических изданий России. Любопытно и то обстоятельство, что религиозная активность населения новой России, как правило, сосредоточенная в городах (исключение составляют сельские территории компактного проживания мусульман), наиболее представлена в тех же региональных столицах: здесь на 30–50% (относительных) выше число прихожан православных храмов, именно в этих городах воссоздаются крупные центры всех конфессий.

Почти во всех региональных столицах статистические показатели здоровья населения и его долголетия выше не только по сравнению с другими городами, но и с основной частью сельских населенных пунктов соответствующих субъектов федерации³. При общем отставании России по продолжительности жизни от развитых стран на несколько лет⁴ и ожидаемом доживании до пенсионного

³ К сожалению, отмеченная ситуация в региональных столицах не распространяется на многие крупнейшие города регионов, которые наравне (а иногда и значительно сильнее региональных столиц) воплощают их финансово-хозяйственный потенциал; таковы Тольятти, Новокузнецк, Череповец и ряд других.

⁴ В материалах к заседанию Правительства РФ 20 октября 2005 г. указывалось, что это отставание от США, Франции и Японии достигает 15–19 лет при том, что, по оценкам соответствующих организаций ООН, 40 лет назад оно было втрое меньшим.

возраста лишь каждого второго из 18-летних мужчин предполагаемая продолжительность жизни в Москве на два года выше, чем в Московской области, в Мурманске и Новосибирске – на три года и т. д.

Региональные столицы, за редким исключением, бесспорно доминируют на пространстве своего региона и по степени этого доминирования достаточно близки. Но все они существенно различны на общем пространстве России и степень их социальной и экономической дифференциации во многом определяет степень дифференциации субъектов РФ. Достаточно исключить численные значения социально-экономических параметров региональных столиц из значений одноименных параметров многих регионов, и окажется, что оставшиеся без столиц республиканские, областные и иные территории будут статистически различаться вдвое меньше, чем «полные» субъекты РФ.

Перечисленные видовые признаки региональных столиц относительно (!) выделяют их из общего социально-экономического пространства России, ни в коей мере не снимают остроту их собственных внутригородских проблем и далеко не в полной мере компенсируют трудности переходного периода. Дело в том, что инфраструктурное жизнеобеспечение региональных столиц почти полностью основывается на советском наследстве, имеет ветхий фонд, который требует замены и капитального ремонта, зачастую находится в предаварийном состоянии. Некоторые региональные столицы (например, Иркутск) в последние годы зримо приходили в упадок, некоторые (например, Петропавловск-Камчатский) только начинают выходить из этого состояния; региональные столицы сильно различаются, и, повторим, их относительное благополучие заметно только на фоне окружающих территорий.

Каждый руководитель региональной столицы не может не испытывать дискомфорт, соизмеряя потенциал и проблемы всего сосредоточенного на ее территории со своими крайне ограниченными возможностями по регулированию социально-экономической ситуации в городе. Регионально-столичные бюджеты после изменений налогового и бюджетного законодательства и принятия новых федеральных законов, лишивших эти города не только основной части налогов, но и наиболее значимой части собственности, не в состоянии покрывать расходы на решение вопросов местного значения, они становятся все более зависимыми от региональных бюджетов, а конфликты глав региона с главами их региональных столиц давно стали неотъемлемой частью политической жизни России.

Следует отметить, что оценки доминирования региональных столиц существенно расходятся в зависимости от того, кто их дает: федеральный центр, региональные власти, руководство самих региональных столиц или население этих столиц и их окружения. Судя по социологическим опросам, население субъектов РФ относится к своим столицам более безразлично и менее завистливо-недоброжелательно, чем население страны к ее столице Москве. Более тесные социальные и экономические связи, а может быть, и большая информированность позволяют основной части населения регионов все же считать региональную столицу своей.

Региональные власти относятся к своим столицам, как минимум, настороженно, поскольку прекрасно осознают возможности и потенциал их руково-

дства, часто (и не без основания) видят в столичном мэре реального конкурента. Кроме того, в зоне ответственности региональной власти находится не только столица, но и весь остальной регион (более проблемный, бедный, часто с явными очагами депрессии), и выбор места приложения региональных бюджетов (почти везде зависящих от федерального) в этих условиях становится крайне трудным, а конфликты по таким поводам со столичным руководством – неизбежными. Федеральный центр, к сожалению, как бы не замечает проблемы, а может быть, и считает полезным отвлечение энергии руководителей региона и его столицы на противостояние друг другу. По крайней мере, до сих пор ни разу не было специально организованного диалога мэров региональных столиц с федеральной властью.

Еще раз обратим внимание на весьма ограниченную точечность рассматриваемого явления, на то, что демографическая, социально-экономическая и финансовая ситуация в региональных столицах и двух десятках крупных городов разительно отличается от ситуации в десятикратно большем числе других населенных пунктов. Напомним, что в Российской Федерации насчитывается не 100, а 1097 городов, крайне неравномерно распределенных по территориям субъектов РФ. В Московской области, например, 76 городов, в соседней Ярославской – 11, в Омской – 6, в Республике Алтай – один, а на территории Красноярского автономного округа не было ни одного. Россия – страна преимущественно городская: три четверти ее населения (более 105 млн человек) живет в городах и поселках городского типа. Возникают два взаимосвязанных вопроса. Почему же в годы реформ, казалось бы, призванных рыночно активизировать жизнь в каждом субъекте федерации и в каждом ее городе, более 900 городов и тысячи поселков городского типа оказались в устойчиво кризисном состоянии? Почему открывшиеся возможности развития субъектов федерации оказались сосредоточенными в региональной столице и всего в одном-двух крупнейших городах далеко не каждого региона? Ответим сначала на первый вопрос.

Особенности формирования большинства городов России и причины их постсоветского упадка

Россия всегда была страной городов, и в течение тысячи с лишним лет эти города создавались, росли и трансформировались по собственным законам развития. В естественный ход истории вторгались только административные реформы, перераспределявшие сферы территориально ориентированного управления и «назначавшие» центры губерний, уездов (хорошо известный пример – екатерининские реформы второй половины XVIII в.). В то же время внутри самих городов, весьма восприимчивых к политическим, экономическим и другим преобразованиям, с каждой общероссийской реформой или с каждым новым этапом экономического развития достаточно быстро обновлялись и потенциал развития, и условия его воспроизводства. Таковыми были, например, изменения в структуре экономики городов в период бурного развития фабрично-промышленного производства в середине XIX в.

Менее известны, но в связи с темой нашей статьи весьма существенны перемены в социальном составе городов после проведения великой крестьянской реформы 1860-х годов. Известный исследователь этой проблемы Б.Н. Миронов писал: «После проведения крестьянской реформы за какие-то 27 лет... состав горожан существенно трансформировался... главным образом из-за притока крестьянства в города... В конце XIX в. крестьянство стало главной составляющей частью городского населения» [Миронов, с. 126]. Как ни парадоксально, реформы второй половины XIX в. предварили по ряду линий (повышение социальной мобильности, быстрая смена профессиональной деятельности, миграция преимущественно из отдаленных от городов исходных зон и др.) новейшие общероссийские реформы. Правда, вместо крестьян подпиткой населения крупных и средних городов России стали выходцы из небольших городов и поселков городского типа, в том числе расположенных в постсоветских странах.

В 1897 г. Министерство внутренних дел России составило внушительный перечень предложений по наделению населенных пунктов городским статусом, однако за 20 лет (до начала Февральской революции 1917 г.) на карте европейской части современной России были образованы только семь из них. Большинство же новых городов (в том числе включенные в вышеуказанный перечень) появилось только в послереволюционный период. Преобразования, проводимые молодой советской властью, проводились, прежде всего, для ее укрепления на местах и требовали для этого создания широкой сети партийно-административно-пролетарских центров. Подобную роль могли играть исключительно промышленные города, и за первое послеоктябрьское десятилетие только в европейской России их появилось в 9 (!) раз больше, чем за 20 предыдущих лет, причем только в 1925–1926 гг. статус города получили более 20 населенных пунктов. Всего же в 1917–1926 гг. на территории современной Российской Федерации возникло 90 городов. К 1926 г. (перед первой всероссийской переписью) появились поселки городского типа (в настоящее время их насчитывается более 1,5 тыс.).

Образование новых городов в советской России в 1930–1940-е годы дополнительно стимулировалось проведением самой активной в мире индустриализации. В небывало короткие сроки с использованием всех ресурсов страны создавались новые крупные предприятия, вокруг них – рабочие поселки, а затем и города. Уже к 1939 г. число городов на территории РСФСР увеличилось по сравнению с 1926 г. более чем на 100 единиц (достигнув 574), причем в своем большинстве новообразованные (в том числе на необжитых ранее местах) города стали типичными городами-заводами, а в прежних городах профиль становился преимущественно промышленным. Эта же логика промышленного формирования городов вела к резкому увеличению их числа в военные и послевоенные годы, причем в этот период дополнительным стимулом градообразования стало перемещение на восток крупнейших предприятий с временно оккупированных территорий⁵.

⁵ В первые годы советской власти статус города получили Кемерово, Рубцовск, Петров-Забайкальский, Бодайбо и другие исключительно промышленные города. В годы первых пятиле-

Свою роль в формировании современных региональных столиц сыграл и национальный фактор. Партийно-правительственный центр относился к национальным автономиям (АССР) на территории РСФСР так же подчеркнуто преференциально, как и к союзным национальным республикам (всем, кроме РСФСР) в составе Советского Союза. Административные центры этих автономий мощно выросли в 15-летие перед Великой Отечественной войной, прежде всего за счет опережающей индустриализации и миграционной столичной привлекательности бывших уездных городов и даже поселков. Эти города становились точками максимальной концентрации промышленного производства, образования, культуры и науки, многофункциональными ступками потенциала территорий АССР. Показательно, что отсутствие в указанный период статуса столицы АССР не провоцировало быстрого роста городов, которые только в постсоветской России стали центрами новых республик в составе РФ (например, Хакасии и Кабардино-Балкарии).

Характерной иллюстрацией процессов создания советской сети городских поселений может служить ситуация на территории Сибири и Дальнего Востока, где из 230 ныне существующих городов 182 города, или почти 80% (!), возникли и получили городской статус в послереволюционный период. Примечательно, что среди городов, возникших еще в начальный период освоения Сибири и Дальнего Востока и сыгравших важную роль в формировании основы будущего городского расселения, особое место принадлежит нынешним региональным столицам – Томску, Тюмени, Иркутску, Якутску (XVI–XVII вв.), Барнаулу, Омску, Красноярску, Улан-Удэ (XVIII в.), Чите, Владивостоку, Хабаровску, Петропавловску-Камчатскому (XIX в.). Однако самый крупный центр Сибири – Новосибирск – возник значительно позже, на рубеже XIX–XX вв., и благодаря своему выдающемуся экономико-географическому положению обошел по темпам роста другие центры восточных регионов.

Активное советское градостроительство было в социальном отношении крайне противоречивым. Быстрый рост новых городов и приоритетное вложение средств в их инфраструктуру приводили к запустению многих малых и даже средних (в том числе так называемых исторических) городов, в которых отсутствие гигантов советской индустрии не только не давало возможности строительства нового жилья, больниц, но и делало безучастным к их судьбе социалистическое государство – единственного держателя финансовых и материально-технических ресурсов того времени. Стремление к экстенсивному градостроительству во всех его формах (от строительства новых городов до массово-

ток в связи с формированием Урало-Кузнецкого комбината и расширением угледобычи и металлургии в Кузбассе возникла большая группа городов и поселков городского типа, среди них Анжеро-Судженск, Киселевск, Новокузнецк, Прокопьевск, Белово. В этот же период возникли: Комсомольск-на-Амуре (1923), Салехард, Игарка, непосредственно перед войной в 1939 г. – Магадан и Алдан, а в годы войны – города Советская Гавань, Салаир, Тогучин и Болотное. В 1946–1960 гг. среди 50 новых городов следует отметить Норильск (1953), Братск (1955), Находку (1950), Дудинку (1951), Мирный (1959). В 1946–1947 гг. на Сахалине получили статус сразу 16 городов. В 1956 г. статус города получил Северск (Томская область) – один из большой группы особостатусных закрытых городов.

го жилого строительства в новых микрорайонах) приводило к нарастанию объема ветхого и аварийного жилья и к «переамортизации» объектов социальной сферы, дорог, водопроводно-канализационного хозяйства в исторически сформированных частях ранее появившихся городов.

Строить новое всегда было политически выгоднее, чем поддерживать уже созданное, и политика послевоенного активного градообразования стала еще одним подтверждением этого правила, тем более что на карте России в 1960–1980-х годах начали появляться самые продуктивные «точки» современного экономического роста. Это было в значительной мере обусловлено освоением нефтегазовых месторождений, прежде всего в Западной Сибири, где возникли города Нижневартовск, Сургут, Нефтеюганск, Нягань, Когалым, Лангепас, Мегион, Надым, Новый Уренгой, Стрежевой. С расширением добычи угля было связано появление городов Шарыпово и Нерюнгри, а с развитием транспорта и энергетики – Тынды, Певека, Усть-Илимска. В последние годы городской статус получили четыре города в Ханты-Мансийском автономном округе (Покачи, Югорск, Советский, Лянтор) и один в Ямало-Ненецком автономном округе – Губкинский, в Приморском крае – Фокино, в Камчатской области – Вилючинск, а в Республике Саха (Якутия) – Нюрба и Покровск. Почти все эти новые города быстро благоустраивались, а численность их жителей возрастала за счет механического прироста.

Здесь мы подходим к ответу на вопрос: почему система городских поселений России, созданных преимущественно в советский период, оказалась такой неустойчивой в новейшее время? Нам уже приходилось писать о том, что громоздкая, трудозатратная и ресурсоизбыточная экономика советской России, размещенная в соответствии с социалистическими принципами развития и размещения производительных сил либо в уже существующем промышленном городе, либо там, где такой город должен был появиться в соответствии с «социалистическими принципами организации системы расселения», была абсолютно адекватна идеологии советского строя и ее реальному воплощению в административную энергию, в возможности плановой концентрации ресурсов, в особую мотивацию кадрового потенциала и в жесткий контроль. Отметим и то, что в СССР действительно был сформирован уникальный единый народнохозяйственный комплекс страны, внутри которого вся продукция с каждого предприятия, планово размещенного в любой точке страны, планово потреблялась в другой точке.

Все вышеописанное было настолько внерыночным, что первое же соприкосновение с элементами рынка (например, с установлением свободных цен и открытием экономических границ) обрушило экономическую базу подавляющего большинства городов и поселков городского типа, сделало ее ненужной рынку, неконкурентоспособной по сравнению с зарубежными предприятиями и т. д. Наиболее невостребованной оказалась заложница политических игр – российская оборонная промышленность, представлявшая градообразующую базу в каждом пятом российском городе.

Советская система городского расселения потеряла экономический смысл сразу же после того, как обнаружилась рыночная несостоятельность советской

экономики, и в подавляющем большинстве промышленных (а других практически не было) городов все параметры социальной жизни и сама психология населения были скорректированы прямо пропорционально переменам в рыночной востребованности городской экономики. Фундаментальная основа появления и роста советских городов – их промышленные социалистические корни – исчезла в первые же годы перестройки и реформ. Это коснулось большинства городов России, но сравнительно быстро и даже с некоторой пользой для себя вышли из переломно-кризисного состояния преимущественно региональные столицы и некоторые другие города.

Советский фундамент относительного благополучия современных региональных столиц и новые факторы их благополучия

Новейшая ситуация в региональных столицах вполне закономерна и могла бы быть прогнозирована еще 10–12 лет назад. Парадокс состоит в том, что современное относительное благополучие региональных столиц в известной степени обусловлено теми же социалистическими корнями их советского прошлого, которые стали причиной неблагополучия большинства других городских поселений России. Дело в том, что эти корни у региональных столиц и раньше имели свою весьма существенную специфику, поскольку и в советский период «административная рента» поселений имела исключительно большое значение. Именно тогда эти столицы стали самыми людными городами в своих регионах и получили крайне важный в то время статус автономно-республиканских, областных и краевых административных центров с размещением в них партийно-административного руководства весьма высокого ранга. Больше половины нынешних региональных столиц были городами союзного и республиканского (РСФСР) значения. Неудивительно, что в этих городах оседала в то время подавляющая часть государственных капиталовложений на развитие городской социальной инфраструктуры. В таких городах в первую очередь строились и модернизировались аэропорты, вокзалы, мосты, дороги и даже метро. А в условиях постоянного дефицита ресурсов все это, естественно, изначально заложило диспропорции в инфраструктурном развитии региональных столиц и остальных городов, не говоря уже о деревне.

Наряду с административно создаваемыми преференциями, региональные столицы получили перед другими городами и ряд таких преимуществ, которые сыграли свою особую роль при переходе экономики городов к рынку. Ни одна будущая региональная столица не являлась городом с моноотраслевой промышленностью. Наши исследования 1980-х годов показали, что в крупнейших административных центрах России была представлена, за редким исключением, практически вся (кроме, например, цветной металлургии или авиастроения) отраслевая структура советской экономики, а производство на мощных предприятиях в известной степени диверсифицировалось (например, почти на каждом производились товары народного потребления, были свои вспомогательные цехи различного профиля и т. д.).

Жизнь в советском административном центре стимулировала формирование особого слоя динамичных людей, которые выделялись своей мобильностью; даже в 1960–1970-е годы в административных центрах люди меняли место работы (что совсем не поощрялось) втрое чаще, чем в средних и малых городах. Региональные столицы уже в советское время отличались невероятным профессионально-квалификационным разнообразием. В сельской местности было востребовано всего лишь около 1% (!) из многотысячного перечня квалификаций, существовавшего в СССР в доперестроечное время, и менее 0,5% профессий, не связанных с физическим трудом, а в средних и малых городах, соответственно, 21 и 18%. Перечень же профессий, которые были востребованы крупным городом, возрастал прямо пропорционально численности и статусу города, и большинство административных центров советской России не располагало, пожалуй, только наиболее экзотическими местами приложения труда.

Совокупность всех этих обстоятельств и обеспечила наибольшую подготовку региональных столиц к рыночно-экономическим и социальным переменам.

Инерция советских предпочтений региональным столицам сохраняется и поныне, но теперь она часто проявляется в форме «деньги к деньгам», т.е. в перенаправлении бюджетных ресурсов туда, где они уже присутствуют. Например, сохраняется практика расходования федеральных бюджетных средств (программы, субсидии), предназначенных для развития всего региона, преимущественно на территории региональных столиц. Без сомнения, многие компоненты бывшей советской привилегированности региональных столиц вошли в структуру их действительных (не по М. Портеру!) территориальных конкурентных преимуществ, но главным мы склонны считать уникальное соединение в одной географической точке благоприятного местоположения, хороших (для своего региона) транспортных связей, самого крупного среди всех городов региона накопленного и еще дееспособного социального и производственного инфраструктурного потенциала, а также прежнего и нового «продвинутого» рыночного финансово-экономического потенциала.

Конечно же, крайне существенным (как и в советское время) стало размещение в региональных столицах всех мыслимых органов власти: собственно городской, всей региональной (субфедеральной) и даже федеральной; ныне в региональных столицах располагается более 1,5 тыс. территориальных органов федеральных министерств, служб и агентств, а в семи из них – представительства Президента РФ в федеральных округах. В региональных столицах к тому же всегда находятся региональные отделения федерального арбитражного суда, службы выдачи паспортных виз, лицензирования разных видов деятельности и т. д. Уже одно это превращает каждую региональную столицу в своеобразное «одно окно» для любого бизнеса и делает их особо привлекательными на общем фоне территориальной конкуренции, чему до сих пор не препятствуют ни трудности преодоления пресловутых административных барьеров, ни дороговизна аренды столичной земли и помещений, ни более высокие требования столичных жителей к уровню оплаты их труда.

Региональные столицы – центры сервисной экономики и торговли

Исключительно значимыми факторами относительно быстрой адаптации большинства региональных столиц к постсоветским условиям и усилению их выигрышного позиционирования в пространстве территориальной конкуренции стали мобильная реструктуризация экономики, ускоренное распространение малого бизнеса и интенсификация торговли.

Мы уже отмечали, что региональные столицы, подобно всем городам России, потеряли основную часть своего прежнего индустриального потенциала как не соответствующего рыночным реалиям. Были высвобождены многие тысячи производственных рабочих, инженеров и служащих, но почти все они нашли работу в другом секторе: региональные столицы стали центрами сервисной экономики, сфера производства товаров в значительной степени сменилась сферой предоставления услуг, пользующихся рыночным спросом и в самих этих городах, и в соответствующих регионах.

Региональные столицы и крупнейшие города уже к началу XXI в. сделали сервисную экономику местом приложения труда нескольких миллионов людей, которые теперь заняты предоставлением услуг по шиномонтажу и ремонту автомобилей, уборке помещений и замене оконных блоков, установке металлических дверей и ремонту квартир «под ключ». Значительная часть экономики сервиса была сориентирована на сферу финансов (те же обменные пункты), на работу с недвижимостью и на любой консалтинг. Региональные столицы стали предоставлять уникальные возможности для занятости в таких своеобразных сферах, как охранная деятельность, игорный бизнес, ритуальные услуги, а также парикмахерских и почти прекративших существование в средних и малых городах прачечных и химчистке. В Новосибирске, например, в сервисной экономике занято людей в 5 раз больше, чем на остальной территории области, в Красноярске – в 3 раза больше и т. д. Безусловными лидерами в концентрации сервисной экономики кроме Москвы и Санкт-Петербурга стали Волгоград, Екатеринбург, Казань, Краснодар, Красноярск, Самара, Саратов, Томск и несколько других региональных столиц.

Специфика и масштабы экономики сервиса в региональных столицах обусловили опережающее развитие столичного малого предпринимательства. Известно, что в России основная часть этих предприятий связана с торговлей и общественным питанием. До 80% отечественного малого бизнеса ориентировано на внутрорегиональные (в торговле и строительстве до 94%) и местные, преимущественно городские, рынки, и не удивительно, что малый бизнес такой отраслевой специализации сосредоточился преимущественно там, где на указанных рынках имеется стабильный и массовый спрос, а именно все в тех же региональных столицах. В них размещается от 52 до 70% всех малых предприятий регионов, и исключение составляют только пять ранее отмеченных субъектов РФ, где со столицами соперничают по численности населения крупные города, которые «восполняют» концентрацию малого бизнеса. Не удивительно, что в последние 10 лет предприятия малого бизнеса в региональных столицах становятся одним из самых значимых налогоплательщиков.

Соединение всех ранее рассмотренных обстоятельств способствовало превращению региональных столиц в своеобразные центры траты денег. Если в советское время эти города были точками покрытия товарного дефицита в других городах и сельской местности, то в реформенное время на первое место в развитии регионально-столичной торговли вышли преимущества ее организации в местах максимального сосредоточения относительно обеспеченных покупателей, особенно богатых. В 2005–2008 гг. столицы концентрировали более 70% всех объемов городской торговли России. Так, объем розничного оборота Москвы еще в 2005 г. приблизился к 40 млрд долларов, что превышает четверть объема всей розницы России. На долю Санкт-Петербурга и 10 крупнейших региональных столиц приходится еще столько же. В итоге на долю шестой части населения страны (с учетом приезжих из других регионов) приходится половина объемов всей розничной торговли. Число магазинов розничной торговли (без учета малых «точек» и в расчете на 1000 жителей) в первой двадцатке (по численности населения) региональных столиц в среднем на 25% опережает аналогичный показатель в других городах России, а во всех региональных столицах на 25–35% опережает средний показатель по городам своего региона.

Существенны не только количественные, но и качественные отличия торговли в региональных столицах от торговли в остальных городах регионов. Так, если в 15-миллионном Екатеринбурге рост доходов в супермаркетах на треть опережал рост доходов в рядовых универсамах, то в промышленных центрах Свердловской области, имеющих что-то подобное супермаркету, ситуация обратная: население предпочитает низкие цены в магазинах с худшим качеством торговли. Поэтому наиболее привлекательными для крупнейших фирменных торговых сетей России остаются такие региональные столицы, как тот же Екатеринбург, Уфа, Казань, Самара, Волгоград, Нижний Новгород, Тюмень, Краснодар, Ярославль, Астрахань; они же становятся и центрами концентрации различных торговых сетей.

При рассмотрении региональных столиц как центров траты денег определенный интерес представляет рынок предметов роскоши, масштабы которого, по нашему мнению, могут стать одним из надежных индикаторов региональной «столичности». По экспертным оценкам, годовой объем продаж на этом рынке составлял в 2005–2007 гг. 2–3,5 млрд долларов, из которых 0,7–1 млрд долларов приходился на дорогие меха, 0,5 млрд долларов – на ювелирные украшения, а остальное – на одежду, антиквариат и дорогие автомобили. Стоимость открытия крохотного бутика в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Самаре и небольшом числе других региональных столиц в этот период составляла 2–3 млн долларов, а планируемый ежегодный оборот – 3–4 млн долларов; высокие наценки покрывали такие издержки, как таможенная очистка, пошлины, аренда, реклама, маркетинг и др., при этом прибыль служила основным источником развития, поскольку торговцы предметами роскоши редко берут займы на рынке капитала. Для такой торговли нужен особый столичный покупатель, располагающий большими доходами и навыком к приобретению сверхдорогих вещей. Такие доходы сейчас обнаруживаются только в региональных столицах, и один из самых крупных участников рынка предметов

роскоши – «Меркури групп» – в 2003 г., по некоторым оценкам, выручил 230–300 млн долларов (против 60–70 млн в 1999 г.). Ясно, что это выручка за покупки не в тех многочисленных ювелирных магазинах, которые имеются в большинстве городов России и которые отличаются от бутиков «Меркури групп» так же, как эти города и доходы их жителей отличаются от крупнейших региональных столиц и столичных доходов.

После уже данной нами оценки потенциала региональных столиц и крупнейших городов становится понятным, почему центральные офисы российских лидеров бизнеса, равно как и открываемые ими в других субъектах РФ филиалы, представительства, предприятия, преимущественно располагаются в рассматриваемых нами столицах и городах. При этом, что особенно примечательно, данный вид региональной экспансии имеет своим предметом не промышленность, а наиболее свойственную новейшей структуре экономики региональных столиц торговлю, банковскую деятельность и т. д.⁶

Так, торговая сеть «Перекресток», входящая в состав структуры «Альфа-групп», в конце 2004 г. насчитывала около 100 магазинов в Москве, крупных городах Московской области и столицах 10 регионов России, а к осени 2005 г. – 114 магазинов в 14 региональных столицах. Еще в 2005 г. торговая сеть «Рамстор» начала вынашивать планы своего внедрения в региональных столицах Нижнем Новгороде, Самаре, Ростове, Казани, Красноярске и Новосибирске. По этому же пути идет и московская торговая сеть дискаунтеров (например, «Копейка»), вышедшая в 2005 г. за 500-километровый радиус наиболее выгодной торговли (там совершается на 50% больше покупок на душу населения, чем на остальной территории страны) и открывшая первый региональный магазин в областном центре Тульской области. При этом, оставаясь единым финансовым целым, сетевые структуры региональных столиц одновременно создают подразделения и в других региональных столицах, и в крупнейших городах своего региона, наращивая потенциал исходного «центра»⁷.

К регионально-столичной роскоши, недоступной большинству других городов России, следует отнести распространенность так называемого элитного жилья. Если в 1960–1980-е годы в каждом областном (автономно-республиканском, краевом) центре возникали свои Черемушки (подобно району массового жилищного строительства в Москве), то теперь почти в каждой региональной столице (или вблизи нее) появляются свои Рублевки (аналоги элитного жилья «новых русских» в Москве). В региональных столицах создаются элитные школы и детские сады, а основная часть родителей детей, которые отправлены учиться за границу, суть столичные жители.

⁶ Это положение может характеризовать такой эпатажный пример. В 2005 г. 33 российских миллиардера (чьи доходы в этом году росли вдвое большими темпами, чем средние по России, а общая величина активов превысила объем четверти ВВП страны) разместили 80% российской части своих активов в 10 региональных столицах и двух крупнейших городах страны. При этом 25 миллиардеров официально проживали в «трижды столице» – Москве.

⁷ Обстоятельный анализ этих явлений дан в книге [Хасис 2006].

Такие разные столицы: конкретный пример

Ранее мы отмечали, что все региональные столицы едины только в лидерстве на поле своих регионов и существенно отличаются друг от друга. Рассмотрим конкретный пример – административные центры Дальнего Востока.

Россия – страна региональных контрастов, но даже на этом территориально пестром фоне Дальний Восток предстает ни с чем не сравнимой, *сущностно особой* частью государства. Дальневосточную особость в равной степени формируют условия и результаты первичного (аборигенного) и вторичного (российского государственного) освоения, географически заданная удаленность от европейского центра, перипетии новейшей истории (территориальные потери в результате одной войны и их компенсация в результате другой, установление советской власти на несколько лет позже, чем на остальной территории страны, изменение административно-территориального деления в начале 1990-х годов и др.), наличие экстремальных природно-климатических условий, своеобразие форм организации хозяйственной жизни (от территориальной сверхкорпорации «Дальстрой» и старательских артелей до различных видов деятельности аборигенов), огромные различия дальневосточных субъектов РФ (например, Приморского края и Магаданской области или Еврейской автономной области и Чукотского автономного округа при бесспорной их макрорегиональной общности). Дальний Восток к тому же – *единственная* зона традиционно европейской цивилизации в Азиатско-Тихоокеанском регионе и *единственная* часть России, не граничащая с внероссийским постсоветским пространством.

Многочисленные факты российской действительности убеждают в том, что современное так называемое единое экономическое и социальное пространство страны ощутимо разделено границей между Дальним Востоком и остальной территорией России⁸. Рыночные зоны этих частей единого государства почти не пересекаются, а направления товаропотоков противоположны. Объем и интенсивность экономических связей между Дальним Востоком и остальной территорией России почти в 25 раз уступают международным; экспортно-импортный обмен российских и зарубежных дальневосточных регионов не только масштабнее, но и устойчивее внутреннего межрегионального. В западном направлении практически со всех территорий Дальнего Востока есть лишь два движения – налоговые поступления в федеральный бюджет и миграция экономически активного населения.

Неустойчивость экономической ситуации (прежде всего массовое сокращение рабочих мест) и отсутствие надежной перспективы ее улучшения привели к тому, что численность населения Дальнего Востока между двумя переписями (1989 г. и 2002 г.) сократилась почти на 19% – в шесть раз больше, чем в среднем по России, а в последнее десятилетие (с 1996 по 2006 г.) данный макрорегион потерял около 720 тыс. человек, или 10% населения, в основном трудоспособного

⁸ Период экономического отчуждения Дальнего Востока от остальной территории России уже был в новейшей истории страны: с начала Первой мировой до окончания Гражданской войны хозяйственные связи этих частей страны практически прекратились.

возраста и высокой квалификации. Многие эксперты в связи с этим с тревогой отмечают рост диспропорций в численности населения российского Дальнего Востока и Китая; в 2006 г. в трех приграничных с Россией провинциях Китая проживало почти в 20 раз больше населения, чем в Амурской области, Еврейской автономной области, Хабаровском и Приморском краях, вместе взятых.

Нет ни одного макрорегиона России, который был бы столь важен для сохранения ее целостности, социальной и экономической стабильности, как Дальний Восток, и ни один макрорегион России не является столь уязвимым в этом отношении. Нигде в России нет такого мощного разрыва между *потенциалом развития и его использованием*, как на территории Дальнего Востока, и нигде нет такой зависимости *саморазвития этого макрорегиона от политики федерального центра*. Тем не менее эта политика до сих пор нигде не заявлена в полный голос, а отдельные высказывания российских политических лидеров, принимаемые Правительством РФ программы и одобряемые инвестиционные проекты не дают представления о самом факте наличия концептуально выверенной дальневосточной политики центра, о ее приоритетах на федеральном и межрегиональном уровнях, о согласованности стратегических намерений центра и встречных инициатив дальневосточных регионов.

Обособленность Дальнего Востока от остальной территории России нужно воспринимать не как трагедию, а как данность, как естественные условия функционирования этой во всех отношениях специфической части государства, некоторым аналогом которой (только в географическом смысле) может быть американская Аляска. Задача состоит не в том, чтобы насильственно перенаправить дальневосточные товарные потоки в западном направлении, а в том, чтобы территориальная автономизация хозяйственной жизни этого региона привела к его благополучию в составе России, чтобы страна сделала все возможное для создания на Дальнем Востоке *зоны эффективного саморазвития* в интересах и этого макрорегиона, и Российской Федерации в целом. Дальневосточные столицы не меньше (в ряде случаев – больше), чем административные центры остальной России, определяют ситуацию в своих регионах, а в некоторых из них (например, в Камчатском крае) являются сгустком хозяйственной и социальной жизни (это, в частности, послужило основой нашей концепции «поднятия» таких регионов через ресурсы, последовательно концентрируемые в их столицах). Есть и ряд других особенностей рассматриваемых городов.

Первая из них – крайне слабые городские «противовесы», практическое отсутствие альтернативных (даже в перспективе) центров роста. Лишь в двух дальневосточных регионах – Приморском и Хабаровском краях – есть крупные и считающиеся перспективными города. В Хабаровском крае таким является Комсомольск-на-Амуре (273 тыс. человек), а в остальных пяти городах живут от 47 до 16 тыс. человек. В Приморском крае Находка и Уссурийск насчитывают по 150 тыс. человек, Артем – 100 тыс. человек (перспективы развития этого города могут быть связаны к тому же с созданием дальневосточной игровой зоны), остальные восемь городов – от 60 до 26 тыс. человек. На территории же Республики Саха (Якутия) только Нерюнгри (65 тыс. человек) и Мирный (38 тыс. человек) могут считаться средними городами; в Ленске и Алдане живут

по 24 тыс. человек, в Удачном – 15 тыс. человек, в остальных семи городах – 10 тыс. человек и менее (в Верхоянске около 1,5 тыс. человек). В Амурской области тоже только два города, Белогорск и Свободный, имеют более 60 тыс. жителей, а остальные шесть городов – от 39 (Тында) до 10 (Сковородино) тыс. человек. На территории Камчатского края помимо Петропавловска-Камчатского есть лишь два города – Елизово (40 тыс. человек) и Вилучинск (24 тыс. человек), в Магаданской области кроме столицы существует вообще единственный город Сусуман (7 тыс. человек), в Сахалинской области кроме административного центра насчитывается 14 небольших городов – от 36 до 2 тыс. человек, в Еврейской автономной области кроме Биробиджана единственный город, Облучье, имеет 10 тыс. жителей. По Чукотскому автономному округу – без комментариев.

Средние и малые города Дальнего Востока находятся в сложнейшем положении, и нет ни одного из них, где бы прежнее советское бытие не приходило в сильнейшее противоречие с современными реалиями. Показателен пример столицы БАМ г. Тынды, в котором главная улица называется по-московски Красной Пресней, есть район Сокольники, улица Арбат и т. п. Город проектировался и строился с размахом: по генеральному плану в нем должны были проживать 120 тыс. человек, в соответствии с этим построены аэропорт и железнодорожный вокзал, здания и сооружения возводились по всем правилам сейсмоустойчивости, предусматривалось троллейбусное сообщение, новейшее дорожное хозяйство и т. д. Тында должна была стать многопрофильным транспортно-промышленным и культурным центром, однако ликвидация в 1997 г. Управления БАМ, прекращение строительства этой дороги и намеченного обустройства прилегающей территории вкупе с отсутствием смысла существования ряда предприятий легкой промышленности в условиях рыночной экономики привели к массовому оттоку населения (с 67 до 40 тыс. человек за 15 лет). Главной проблемой стали как полуразрушенное временное жилье (у каждого шестого жителя), так и избыточная инфраструктура, необходимость содержания большого числа ранее построенных, но недогруженных объектов социальной сферы. При этом город более чем перспективен – в нем даже сейчас самая низкая в Амурской области безработица, самые высокие доходы населения, рождаемость превышает смертность. Хочется верить, что Тында, как и другие «нестоличные» города Дальнего Востока, еще обретет «второе дыхание» (это во многом может определяться лишь внегородскими обстоятельствами), пока же и в обозримой перспективе основную роль в развитии данного региона способны играть только региональные столицы, и эта роль нигде в России так не важна, как на Дальнем Востоке.

Второе отличие дальневосточных региональных столиц от их западные расположенных «сестер» – необычайно сильные контрасты друг с другом при абсолютном доминировании каждой столицы в жизни регионов. Ни в каком другом федеральном округе нет, например, таких различий, какие существуют между Хабаровском и Анадырем, Владивостоком и Благовещенском, Биробиджаном и Петропавловском-Камчатским, Якутском и Магаданом. На этом пестром фоне особенно выделяется группа административных центров, расположенных

на территориях, у которых нет постоянного сухопутного сообщения с остальными регионами России: это Магадан, Анадырь, Петропавловск-Камчатский и Южно-Сахалинск, по сравнению с которыми от Москвы до Калининграда рукой подать. Из этих столиц трудно добраться даже до населенных пунктов на их собственной территории. Так, из столичного Южно-Сахалинска в районный Северо-Курильск (о. Парамушир) можно попасть только через Хабаровск и Петропавловск-Камчатский с последующим ненадежным перелетом на вертолете; ни современный самолет (нет соответствующего аэродрома), ни теплоход (нет порта с углубленным дном) в Северо-Курильск прибыть не могут.

Количественные и качественные различия дальневосточных столиц проявляются даже в такой специфической сфере, как территориальное управление: число государственных и муниципальных служащих в Благовещенске, например, в 20 (!) раз меньше, чем во Владивостоке (во всей Амурской области их около тысячи человек – одно из последних мест в России, а в Приморском крае – 23 тыс.).

Из этого следует самоочевидный вывод: концепции, стратегии, планы и приоритеты городского управления, стандарты качества жизни, формы и объемы федеральной и региональной поддержки дальневосточных столиц *не могут быть однотипными* и не должны разрабатываться по одному шаблону.

Третье отличие дальневосточных столиц от их западнее расположенных «сестер» состоит в необходимости *фундаментальных* градостроительных преобразований. Эти города нужно в ряде случаев просто перестраивать, так как их современный облик и базовые градостроительные решения (от районных планировок до типов жилищ и общественных зданий) создавались в советское время по канонам прежней, полярно иной идеологии городского бытия. К тому же, например, по генплану Петропавловска-Камчатского, принятому в 1988 г., предполагалось, что численность города к 2010 г. составит 330 тыс. человек при ежегодном приросте 4 тыс. человек. В городе нет ни одной представительной столичной территории, нет торгово-развлекательной зоны и объектов массового туристического обслуживания, городская застройка крайне непривлекательна и т. д. Поэтому новый генеральный план камчатской столицы должен стать во многом планом создания иного города. Схожая ситуация и в Якутске, где нужно не только переселять жителей из затапливаемого Даркылаха, но и решать коммунальные проблемы частного сектора, переходить на современные системы теплоснабжения и т. д. Все это – задачи не одного года, и решить их собственными силами дальневосточные столицы вряд ли смогут, а пример частичной реконструкции Анадыря (который стали называть сухопутной яхтой Абрамовича) наверняка останется единственным. Поэтому было бы правильно, чтобы федеральные власти до наступления 100-летия Петропавловска-Камчатского (2022 г.) или 400-летия Якутска (2032 г.) выделили бы на указанные цели каждому из этих городов не меньше, чем выделяли к юбилейным датам Петербургу и Казани. Дальневосточные столицы того заслуживают в не меньшей степени.

Дальний Восток, как уже отмечалось, постоянно теряет трудоспособное население (хотя и не так стремительно, как ранее), то же происходит и в дальневосточных столицах. Разумеется, отрадно знать о том, что, например, в 2004 г.

из столицы Еврейской автономной области уехали в Израиль 67 евреев, а возвратились в Биробиджан 158, но ведь в начале 2002 г. в этом городе было 78 тыс. жителей, а к 2006 г. осталось 75 тыс. За этот же период сократилась численность жителей в Хабаровске – с 600 до 578 тыс., во Владивостоке – с 595 до 583 тыс. человек и т. д. И это при том, что основная часть «столичных» жителей совсем не ориентирована на расставание с родными городами. В том же Хабаровске около 70% жителей (не меньше, чем в Москве!) считают жизнь в своем городе комфортной и не хотели бы, чтобы куда-то пересезжали они сами или их дети. Ничего удивительного: в 2004 г. Хабаровск был признан самым благоустроенным городом России, в 2005 г. получил диплом «За хорошую работу по развитию городского хозяйства», в 2006 г. – диплом программы ООН – Хабитат «За обеспечение устойчивого развития города».

Численность жителей дальневосточных столиц сокращается намного медленнее, чем на остальной территории их регионов; и причины этого не только в меньшей мотивации к отъезду, но и в процессе стягивания населения области (края, автономного округа) в административный центр. Это чаще всего происходит не от хорошей жизни (например, треть населения Курил уже переселилась в Южно-Сахалинск), но неоспоримо и то, что в региональных столицах Дальнего Востока сейчас сконцентрировались практически все пусть небольшие, но на общем фоне более чем заметные позитивные изменения в любой сфере общественной жизни. Это можно было бы считать чудом, если не помнить, что на уровне организации городской жизни чудес, к сожалению, не бывает, в современной ситуации и достижения, и провалы непосредственно связаны с результатами работы местных властей.

Благодаря мэрам дальневосточных столиц и работникам их администраций эти города не плетутся в хвосте реформационных преобразований, а постоянно реализуют множество оригинальных инициатив. Хабаровск, например, одним из первых в России провел реформу городского управления и принял новые правила городского землепользования и застройки; в Петропавловске-Камчатском создана одна из лучших систем управления муниципальными финансами; во Владивостоке отработана любопытная схема натурального (работа по обслуживанию домов) «зачета» квартиронеплательщиков и т. д. Следует отметить и хорошо освоенные на Дальнем Востоке технологии нормальных отношений мэров с региональной властью. Конфликты между ними в условиях отдаленности от федерального центра могли бы быть губительны и для градоначальников, и, к сожалению, для возглавляемых ими региональных столиц. К счастью, в большинстве случаев мэры находят в себе гражданское мужество с честью предотвращать назревающие конфликты и выстраивать разумные компромиссные отношения с органами государственной власти, в систему которых, по нашей конституции, городское самоуправление вообще-то не входит.

Уникальной роли дальневосточных столиц в функционировании самого крупного и, в целом, дотационного макрорегиона России совершенно не соответствует скудость их бюджетов. Ситуация, к сожалению, типична для всей России и особенно остра на востоке страны – об этом, в частности, говорили все выступавшие в конце 2006 г. на томской конференции Ассоциации сибирских и

дальневосточных городов. Унизительное состояние доходной базы выглядит особенно абсурдным в региональных столицах – фактических кормильцах всех вышенаходящихся бюджетов, а бюджетно самодостаточные города можно пересчитать по пальцам. Вот пример Петропавловска-Камчатского. В 2006 г. на территории города собрано 70% всех налогов Камчатской области, а в бюджете города осталось 23%. И это – норма! Вряд ли может быть утешением, что точно так же федеральный центр поступает со своей столицей – Москвой.

Оценивая долгосрочные перспективы дальневосточных столиц, следует учитывать, что их будущее зависит и от общероссийского положения дел, и от таких факторов, которые в гораздо меньшей степени значимы для европейской и сибирской частей России. Это относится и к последствиям геополитических решений, и к результатам модернизации дальневосточного оборонного щита государства, и к новому формату экономических отношений со странами АТР после вступления России в ВТО, и к изменению роли миграции в демографическом потенциале региона, и даже к уже ощутимым глобальным климатическим переменам. К тому же – при прочих равных условиях – динамика кардинальных преобразований городской среды, о которых мы уже говорили, должна быть на Дальнем Востоке невероятно мощной и долгосрочной. Дальний Восток и его региональные столицы обречены на тотальные позитивные преобразования, и этот процесс в дальневосточных городах в отличие от ряда административных центров европейской России уже начался.

Федерально-окружная «столичность»

В 2000 г. на карте России появилось еще семь столиц – центров федеральных округов, образованных по указу Президента РФ [Указ Президента РФ 2000]⁹. Столицей Центрального округа стала Москва, Северо-Западного – Санкт-Петербург, Северо-Кавказского (Указом Президента РФ от 21 июня 2000 г. № 1149 переименован в Южный) – Ростов-на-Дону, Приволжского – Нижний Новгород, Уральского – Екатеринбург, Сибирского – Новосибирск, Дальневосточного – Хабаровск. Все они до этого были просто региональными столицами, дополнительная «столичность» по-разному сказалась и на их облике, и на их ресурсах.

Следует напомнить, что юридически социально-экономическое значение и самих федеральных округов, и их столиц весьма эфемерно, поскольку за полномочными представителями Президента РФ в федеральных округах официально закреплено лишь ограниченное число административных функций. Фактически же роль окружного президентского представительства гораздо шире номинальной, и его координационное и скрыто распорядительное (неформально властное) воздействие на протекание политических, социально-экономических и даже инвестиционных процессов на территории округа и каждого его региона в 2000–2006 гг. постоянно возрастало [Лексин, Лексин, Чуче-

⁹ Указ Президента РФ «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе» № 849 от 13 мая 2000 г.

лина 2006, с. 23–24]. Эта, по российской традиции, *концентрация ресурсов в местах концентрации власти* не могла не привести к дополнительному усилению всех проявлений «столичности» в городах, где расположились окружные полномочные представительства Президента РФ. Явление это повсеместное, но неравномерно выраженное.

Наиболее заметны перемены в столицах Дальневосточного и Сибирского федеральных округов. Наглядно преобразился Хабаровск, обретший вид настоящего столичного центра, в котором удачно сочетаются различные функции, в том числе административные, торгово-досуговые, и сохраняется большинство элементов прекрасной исторической застройки. Ансамбль мемориального центра и храмового комплекса, без сомнения, является одним из лучших в России¹⁰. Хабаровск существенно выделяется из всех региональных столиц округа сбалансированностью размещенной в городе экономики и работающего (!) на эту экономику инвестиционного потенциала.

Близка к описанной ситуация в Новосибирске, где с временем размещения в нем центра Сибирского федерального округа совпало резкое усиление всех признаков «столичности» и во внешнем облике зданий, и в уровне благоустройства, и в состоянии дорог, и в доходах населения, находящихся (как и в других региональных столицах) в парадоксальном отношении к объему розничной торговли. В этом единственном крупном городе Новосибирской области заметно активизировалась экономическая жизнь. То же усиление «столичности» можно наблюдать и в Екатеринбурге.

Не исключено, что это простое совпадение, но все столицы федеральных округов в 2000–2008 гг. опережающими темпами привлекают инвестиции, увеличивают свою долю в многочисленных федеральных программах и т. д.

Несколько иная ситуация в окружной столице Приволжского федерального округа. Нижний Новгород – лишь один из пяти городов-миллионеров этого округа (правда, наиболее крупный), и Самара, Пермь, Казань и Уфа вполне могли бы стать его центром. Видимо, при выборе этого центра свою роль сыграли и территориальная близость к Москве, и наличие крупнейшего транспортного узла, и древнейшие статусные отличия кармана России от других региональных столиц округа, и даже то, что Нижний Новгород уже в новое время стал координатором ассоциации экономического взаимодействия «Большая Волга». Однако за последние шесть лет городу не удалось в полной мере приобрести столичный лоск, подобный хабаровскому, екатеринбургскому или новосибирскому. Не демонстрирует окружная столица и особых экономических успехов, сказывающихся на городском бюджете. На внутриокружном уровне среди других региональных столиц Нижний Новгород в 2005 г. занимал 3–4-е место по объему промышленного производства, торгового оборота и ввода жилья, а по тем-

¹⁰ Хабаровск вообще уникален в этом отношении. Построенный всего за четыре года красивейший Спасо-Преображенский кафедральный собор стал не только самым большим на Дальнем Востоке (одновременно вмещает 3000 прихожан) и четвертым в России, но главной городской доминантой. Под стать ему заново воссозданный храм-памятник Градо-Хабаровский собор Успения Божией матери (заложен в 2000 г., построен в 2001 г., расписан и освящен в 2002 г.). Этим как бы дополнительно подчеркивается русское присутствие на водной границе с Китаем.

пам жилищного строительства – 7-е место. Лидерами по этим параметрам являются Казань, Самара и Пермь. В то же время общее правило о предоставлении дополнительных преимуществ окружной «столице» никто не отменял, и, видимо, проблема состоит лишь в том, что до сих пор в городе не было политической и организационной силы, способной реализовать новые возможности.

Гораздо труднее оценить воздействие статуса федерально-окружных столиц на Москву и Санкт-Петербург. В Москве, по нашим оценкам, это воздействие практически неощутимо (Москва и без того трижды столица – федерации, Московской области и, как ни странно, сама себя как субъекта РФ). В Санкт-Петербурге, постоянно испытывающем комплекс «недостойности», ситуация уникальна. Ясно, что с началом «питерского нашествия» центр Северо-Западного федерального округа не мог находиться нигде, кроме Санкт-Петербурга, и дополнительные административные (а следовательно, и все остальные) ресурсы у этого города появились. Однако с момента обретения Санкт-Петербургом статуса еще одной (окружной) столицы на его территории было сосредоточено столько вышеуказанных ресурсов, что столично-окружной среди них просто затерялся.

Крупные города – главная «площадка» российских реформ и формирования новой социальной структуры общества

Оценка роли региональных столиц в формировании общероссийской региональной ситуации будет неполной, если не упомянуть о том, что эти города России с самого начала реформ стали сердцевинной, предметным и проблемным средоточием наиболее острых социально-экономических, политических и правовых проблем постсоветского периода. Мы уже писали о том, что все проводимые реформы явились порождением сугубо городских интересов и ожиданий и крупный город стал их фактическим воплощением. Так, приватизация государственной собственности более чем на 95% была осуществлена по недвижимости, находящейся в региональных столицах и крупнейших городах России. Там же сформировался реальный земельный рынок (составляя, по разным оценкам, до 90% объема соответствующих сделок по стране в целом), реформа банковской и внешнеэкономической деятельности затронула опять-таки почти исключительно указанные города. Даже самая заметная из «негородских» реформ – раздача земельных паев бывшим колхозникам – ни в экономическом, ни в социальном отношении не идет в сравнение с массовой бесплатной приватизацией городского жилья.

Реформационные процессы не только инициируются социальной средой региональных столиц и крупнейших городов России, но до сих пор находят там наибольшую поддержку. Выявленное в ходе опросов 1998–2005 гг. отношение населения этих городов к экономическим реформам и даже к таким проблемам, как вступление России в ВТО, на 18–42% благожелательнее, чем на остальной территории различных субъектов РФ. То же подтверждает и электоральная статистика: симпатии избирателей в рассматриваемой группе городов всегда значительно «реформационней» и «рыночней», чем в их территориальном окруже-

нии. Это означает, что реформационная энергия и уверенность в пользе дальнейшего продвижения к действительно рыночным преобразованиям по-прежнему преимущественно концентрируются в региональных столицах и в крупнейших городах страны, что в какой-то степени дополнительно позиционирует их конкурентные преимущества перед другими городами страны.

Но административные центры регионов и крупнейшие города не только породили реформы. В них кардинально изменилась и продолжает изменяться социальная роль прежнего столпа городского сообщества – рабочего класса и начинает обозначаться преимущественно столичный феномен «среднего класса». Напомним, что почти каждый крупный советский город был, прежде всего, городом рабочих¹¹; но за годы реформ (по данным, основанным на анализе ситуации в 420 городах и поселках России, расположенных в 38 субъектах РФ) фактическое высвобождение рабочих с прежних мест приложения труда только в 1996–2005 гг. составило от 17 до 64%. Первая и наиболее очевидная причина этого явления – спад промышленного производства (в самом радикальном варианте – закрытие заводов, фабрик), вторая причина – сравнительно низкие заработки в промышленности.

Мы прогнозируем, что сокращение численности рабочего класса в региональных столицах будет происходить и далее. Потребности в рабочих могут сократиться, как минимум, в 1,5 раза, а по предприятиям машиностроения (включая заготовительные производства) – более чем в 2 раза; это тот нижний предел отставания в производительности труда, который сформировался еще в 1980-х годах и окончательно закрепился в годы «перестройки», кризиса и реформ. Процесс реального сокращения числа представителей рабочего класса уже идет на каждых двух из трех предприятий региональных столиц, где возобновляется производство. Есть основания предполагать, что ныне указываемая в статистике доля рабочих в региональных столицах и в крупных городах в ближайшие 10 лет может уменьшиться в 1,5–2 раза, т. е. существенно больше, чем в моногородах и в монопроизводственных поселках городского типа (предполагаемое сокращение потребности в рабочих там соответственно составляет 30–60% и 25–40%)¹².

Не менее существенна роль региональных столиц и крупнейших городов и в появлении долгожданного социального результата реформ – «среднего класса». Представление о городском «среднем классе» постоянно эволюционирует, причем на первый план все более уверенно выходит параметр личного дохода.

¹¹ В советское время важнейшим основанием для отнесения населенного пункта к городскому считали не только численность населения, но и тип его хозяйственной (промышленной) деятельности. К началу «перестройки» доля рабочих в трудовых ресурсах городов колебалась от 25% (многофункциональная Москва) до 30–40% в крупных и средних городах и 46–60% более чем в 200 небольших моногородах и поселков городского типа.

¹² К сожалению, до сих пор в российском обществе живут иллюзии о промышленном росте как факторе роста рабочей занятости в крупных городах и административных центрах. Эти иллюзии далеко не безвредны, поскольку на их фоне искажается реальная перспектива: рабочий класс прежней России избыточен для новой рыночной среды региональных столиц, а его социальная роль будет и впредь определяться только Трудовым кодексом и профсоюзами.

Общий годовой доход указанного слоя людей, по мнению исследователей, составляет около 50 млрд долларов США, т. е. при «толщине» слоя в 2,5 млн человек годовой доход «нового среднего» должен составлять около 20 тыс. долл США. Имеются и другие оценки, по которым «средний класс» включает городских служащих, мелких предпринимателей, «рабочую аристократию», месячный доход которых составляет не менее 500 долларов, а также интеллигенцию, врачей, учителей, работников культуры. С появлением (в любых масштабах) «новых русских» и нового «среднего класса» в регионально-столичной среде началось сильнейшее социальное расслоение, в несколько раз превосходящее таковое в средних и малых городах. Его своеобразной материализацией стала жилищная сегрегация в форме строительства элитного жилья (многоквартирных домов, коттеджей, жилых комплексов) не только в Москве, но и в Самаре, Нижнем Новгороде, Новосибирске и других региональных столицах¹³.

Оценки современной притягательности крупного города

Регионально-столичный житель характерен не только своей реформационной энергией и умением получать относительно высокие доходы (в столицах бедных не меньше, чем в других городах, а соотношение доходов богатых и бедных самое высокое в стране). Этот житель в целом отличен от остальных населяющих страну. Мы уже упоминали, например, об относительно высокой продолжительности жизни в региональных столицах. Но это связано с тем, что, во-первых, в региональные столицы стекается наиболее молодая и здоровая часть населения регионов, и, во-вторых, там не только формируется современная инфраструктура здравоохранения, но и создаются возможности пользования ею, совершается медленный переход к здоровому образу жизни и т. д. Данные факторы пока не пересиливают негативного воздействия крупногородского наркобизнеса и других «язв большого города». Даже при том, что жители малых и средних городов, а особенно сел и деревень обращаются к врачам только в случае крайней необходимости, число выявленных заболеваний в 52 региональных столицах растет на 20–35% медленнее, чем на остальной территории их регионов.

В последнее время надежным подтверждением притягательности региональных столиц и особого типа регионально-столичного жителя стали результаты разных социологических опросов. Так, по опросу 28–29 октября 2006 г., проведенному Фондом «Общественное мнение», в региональных столицах меньше всего тех, кто там родился (39% по сравнению с 48% в других городах и 47% в селах), т. е. основная часть их жителей – приезжие со своими амбициозными мотивациями. В этих столицах меньше всего желающих сменить место жительства (на 25% меньше, чем в других городах, и на треть – в сельской местности) и, соответственно, больше всего считающих, что лучше жить именно

¹³ Жилищная сегрегация может получить новый импульс в связи с предстоящим ростом налогообложения городской недвижимости. Реальны предположения о том, что нынешние небогатые владельцы квартир в ставших престижными районах должны будут покинуть их из-за невозможности уплатить налоги и переехать в районы для бедных.

там (67%!)). Вопреки расхожему мнению, из региональных столиц хотели бы переехать в Москву (с предоставлением жилья и работы) не более 35% опрошенных. Все более заметной становится уникальная роль региональных столиц в культурной жизни огромных территорий субъектов РФ, где ранее в основном процветала художественная самодеятельность. Очаги же профессиональной (особенно высокопрофессиональной) культуры сосредоточиваются в региональной столице и нескольких других крупнейших городах региона (например, не только в Самаре, но и в Тольятти). При этом для регионально-столичной культуры характерен фантастически высокий художественный уровень. Подтвердим это лишь одним примером – деятельностью Пермского академического театра оперы и балета, который только в 2004 г. с триумфом провел гастроли в Москве и Санкт-Петербурге, стал лауреатом национальной театральной премии «Золотая маска», одержал победу на фестивале современного театрального искусства «Сакро-Арт» в Германии и т. д. Только в Перми в это время шли «Клеопатра» Массне и «Альциона» Генделя, только там ставили целые балетные программы Баланчина, «Лолиту» Щедрина и «Бестиарий» Щетинского. Не случайно, что именно в Пермь на Дягилевский фестиваль приезжают лучшие оперные и балетные коллективы.

Таких примеров множество, но одновременно они выявляют огромные различия в культурной атмосфере региональных столиц и их территориального окружения. Да, провинциальная театральная среда может быть преимущественно гастрольной, но в том же 2004 г. в городах с численностью населения менее 200 тыс. человек гастрольные труппы даже своих, регионально-столичных театров были редкостью (отсутствие современных театральных помещений, низкая покупательная способность населения, проблемы с окупаемостью спектаклей и т. д.), что лишь в какой-то степени компенсировалось заезжими антрепризными коллективами. Ситуация с концертами «серьезной» музыки еще хуже.

Важнейшей характеристикой современной «продвинутой» является компьютеризация. В региональных столицах домашний компьютер (в том числе ноутбук) есть у 37% опрошенных по сравнению с 25% в других городах и 9% в сельской местности.

Регионально-столичные жители отличаются от мужчин и женщин других городов даже по внешнему виду¹⁴. Это проявляется, например, в том, что они в большей степени не придают значения тому, чтобы их одежда соответствовала возрасту (более 35%) или предпочитают одеваться нарочито дорого (отмечено, например, в Екатеринбурге).

Характерны различия в традиционном особом отношении к главному пищевому продукту – хлебу. В региональных столицах это отношение у 53% опрошенных такое же, как к другим продуктам питания (на селе всего 37%), а в каждой пятой семье черствый хлеб выбрасывают (на селе – только в каждой десятой)¹⁵. При этом регионально-столичные жители не менее часто, чем жители других городов (даже малых), регулярно помогают соседям и пользуются их

¹⁴ Это, однако, закономерно. См. [Барт 2003; Шмерлина 2006].

¹⁵ Данные опроса 26–27 августа 2006 г., проведенного Фондом «Общественное мнение».

помощью (около 40% опрошенных), хотя соседские отношения квалифицируются скорее как хорошие, нежели как дружеские. В этом столичный житель начинает походить на своего западного собрата.

В то же время регионально-столичные блага не стоит преувеличивать. В начале 2006 г. Институт социологии РАН опубликовал результаты исследования социальной привлекательности жизни в региональных столицах, выявив предпочтения граждан России по широкому кругу бытовых и служебных отношений. Хорошие возможности в этих столицах для проведения досуга отмечают 18% опрошенных (11% – в районных центрах и в селах), для общения с друзьями – 58% (51% – в райцентрах и 40% – в селах), для получения знаний и образования – 27% (22% – в райцентрах и 17% – в селах), для самореализации в профессии – 32% (24% – в райцентрах и 17% – в селах), и наконец, общая позитивная оценка жизни в региональных столицах дана 34% опрошенных (30% – в райцентрах и 19% – в селах). Региональная столица предлагает возможностей больше, чем средний (малый) город или село, но общие оценки жизнедеятельности в этих столицах весьма невелики: благами крупного города может реально воспользоваться всего каждый третий их житель. Но это уже проблема всей России. К сожалению, в ряде оценок социального, экономического и политического значения региональных столиц и крупнейших городов в современной России до сих пор бытуют суждения о том, что эти города высасывают финансовые ресурсы с территории регионов и страны в целом; создается впечатление, что авторы таких заявлений никогда не слышали о территориальной конкуренции, не знают о фактическом распределении финансовых потоков, ведущей роли корпораций в территориальном развитии и т. д. Реальная проблематика российской региональной столичности намного серьезней: это проблематика будущего страны как все более дифференцирующегося пространства, как федерации не регионов, но крупнейших городов, как территории постепенного сужения потенциала экономической и социальной полицентричности.

Незаслуженно забывается исключительно важная роль региональных столиц и крупнейших городов при «поставленном на поток» производстве стратегий и программ развития субъектов РФ на долгосрочную перспективу. В этих документах регион по-прежнему рассматривается как самодостаточное целое, хотя, как показано в данной статье, его настоящее и будущее на треть (а то и более) зависит от состояния и развития одного-двух крупнейших городов и обязательно – региональной столицы. В связи с этим было бы более чем уместно предусматривать в вышеуказанных стратегиях и программах специальные разделы о развитии региональных столиц и об их воздействии на общерегиональную ситуацию. Было бы полезно также разработать для каждой региональной столицы собственную стратегию развития.

Предполагаем, что настало время и для принятия специальных законов субъектов РФ о региональных столицах с четкой фиксацией особых столичных функций, их ресурсного обеспечения, особенностей городского управления и т. д. Это позволило бы в какой-то степени нормализовать отношения органов власти регионов и их столиц по множеству финансовых и иных вопросов.

Процесс не закончен

Не следует забывать, что бытие российских региональных столиц и других крупнейших городов России протекает в непрерывающемся потоке внутри- и внешнеполитических, экономических, социальных и иных перемен, в обстановке постоянно изменяющегося законодательства и т. д. Еще в 2004 г., например, началось обсуждение целесообразности включения органов власти рассматриваемых городов в единую систему государственного управления с ее обязательным новейшим атрибутом – назначениями (а не выборами) градоначальников.

Начавшийся пересмотр административно-территориального деления страны, как уже отмечалось, привел к укрупнению регионов и, соответственно, к утрате столичного статуса рядом прежних административных центров. Эта проблема практически выпала из поля зрения экспертов, занимающихся вопросами «укрупнения», хотя история дореволюционной и советской России показывает, что потеря регионально-столичного статуса как бы отбрасывает город на обочину территориального деления. Наиболее отчетливо это проявилось в жизни прежней столицы Российской империи после возвращения столичных функций Москве. В меньших масштабах, но не менее остро переживали эту ситуацию в различные периоды истории Великий Устюг и Азов, Бийск и Рыбинск, Николаевск-на-Амуре и Череповец, Великие Луки, Балашов и др.

Впрочем, алчущие односторонних («питерская вертикаль») перемен периодически высказывают заинтересованность в переносе столицы России в Петербург или хотя бы в передаче этому городу части столичных функций (начало было положено переездом Конституционного суда). Никаких бюджетных обоснований, естественно, не делается, потому что обосновать такие решения с позиций здравого смысла невозможно. Но политически – возможно, и это показывает опыт переноса казахской столицы из Алма-Аты в Астану (слово в переводе означает просто «столица»).

Идеологом и фактически единственным двигателем и создателем в считанные годы абсолютно нового, огромного и подобного столице Арабских Эмиратов города был президент Казахстана Н. Назарбаев, который искренне гордится таким чудом, совершенно справедливо называет его «своим сердцем», замечательно поет и рассказывает о нем в специально снятом фильме и в публичных выступлениях, не забывая при этом напоминать, что Казахстану (и его народу, веками мечтавшему о свободе) был нужен символ его независимости в виде Астаны (Алма-Ата для Н. Назарбаева – город, из которого, по его словам, хочется скорее уехать в Астану¹⁶).

Современная Астана – это бывшее Акмолинское укрепление (1832), г. Акмолинск (1862), крупнейший торговый центр и перекресток караванных путей, в советское время – центр Акмолинской области (1939–1960), центр Целинного края (1960–1965), а затем – Целиноградской области (новое название – Целиноград). 6 июля 1994 г. парламент Казахстана большинством всего в три голоса принял решение о переносе столицы из Алматы в Акмолу. Была обстоя-

¹⁶ По впечатлениям автора, присутствовавшего на международных торжествах, посвященных 10-летию города (июнь 2008 г.).

тельно изучена вся территория Казахстана, в результате чего по 32 параметрам Акмола оказалась наиболее предпочтительной. Первым днем в истории новой столицы стал день 10 декабря 1997 г., а 6 мая 1998 г. город получил новое имя. Астана явилась символом суверенного Казахстана. Справочник «Астана за 10 лет в цифрах» сообщает, что «решение о переносе столицы было стратегически оправдано. Месторасположение Астаны, ее статус должны были соответствовать устремлениям Казахстана (выделено мною. – В. Л.). Перенос столицы в географический центр страны стал благоприятным фактором обеспечения национальной безопасности и укрепления территориальной целостности государства. Удобное географическое положение Астаны позволило повысить уровень управляемости обширной страной. Из центра страны стали эффективно осуществляться внутренняя политика, решаться геополитические вопросы со странами ближнего и дальнего зарубежья... Астана расположена на пересечении основных коммуникационных линий от Тихоокеанского побережья до Европы. Размещение Астаны в сердце Евразии – особенный фактор. Это является отражением многовекторности курса внешней политики Казахстана».

Новая столица росла невероятно быстро. С 1997 по 2008 г. территория города увеличилась в 2,5 раза, а численность населения – в 3 раза и составила 700 тыс. человек, в ближайшем будущем ожидается миллионная численность. ВВП на душу населения вырос в 27 раз. Астана – город не только чиновников; в 1997–2008 гг. объем промышленного производства увеличился в 7 раз, а к 2011 г., по прогнозу, станет больше еще в 3,5 раза. Предполагается, что промышленное лицо города в ближайшие 3–5 лет будут определять около 30 инвестиционных проектов, реализуемых на территории индустриального парка с числом создаваемых рабочих мест около 7 тыс. (производство строительных материалов, пищевых продуктов, резиновых и пластмассовых изделий, мебели и др.). Территория индустриального парка с 2007 г. вошла в состав специальной экономической зоны «Астана – новый город», где действуют законодательно закрепленные налоговые и таможенные льготы.

Астана – город особый. Разработку генерального плана города в результате конкурса выиграл известнейший японский архитектор Кисе Курокава, который затем принимал активнейшее участие в его реализации. «Король хай-тека» Норманн Фостер соорудил в Астане одно из самых кошмарных своих зданий (мрачно-красные стены и черные потолки внутренних помещений, фабрично-заводской дизайн интерьера) – Пирамиду, она же Дворец мира и согласия¹⁷. Новый центр Астаны на левом берегу Ишима уникален во всем: и по расположению, и по архитектурному замыслу, и по воплощению. Монументальные застройки Главной площади, Водно-Зеленого бульвара и Круглой площади складываются в единый, грандиозных размеров градостроительный ансамбль. Резиденцию президента «Ак-Орда», здания Мажилиса и Сената, Верховного суда и министерств, офис национальной нефтегазовой компании, «Транспорт-Тауэр», Национальную библиотеку и архив – все это можно увидеть в административном центре столицы.

¹⁷ В юбилейном путеводителе о Пирамиде сказано: «Идея подобного здания, воплощающего в себе мудрость веков, принадлежит Президенту Н. Назарбаеву. Форма Дворца – пирамида – была выбрана как символ единства мировых религий, учитывая важность древнеегипетской культуры для всех вероисповеданий».

На пересечении осей Водно-Зеленого бульвара и линейного парка взметнулась изящная вертикаль монумента «Байтерек» («Тополь»), увенчанная стеклянным шаром. В «кроне» «Байтерека» находится «Аялы-Алакан» – оттиск правой ладони первого президента Республики Казахстан. Следует ли напоминать, что идея создания этого сооружения принадлежит президенту? На прилегающей к монументу территории разбит сквер, который с юга завершается зданием Министерства обороны, а с севера – зданием Министерства иностранных дел.

Астану нужно видеть. На огромных площадях высятся небоскребы удивительных пропорций и размеров. В городе расположен этномемориальный парк «Карта Казахстана “Атамекен”», Президентский центр культуры, столичный цирк на 2000 мест, развлекательный центр «Думан» с единственным в республиканском масштабе океанариумом, Исламский культурный центр, Музей политических репрессий, теннисный стадион, гольф-клуб и др. Многого убеждает в том, что политическая и государственно-патриотическая задача, поставленная президентом Казахстана, решена – такого действительно нет не только на территории бывшего СССР, но и во всем мире. Никто не строил так молниеносно и с таким размахом, никому не удалось сделать что-то, чем могла бы гордиться значительная часть народа, приезжающего из всех областей Казахстана для того, чтобы восхищаться и надеяться: так будет во всей стране. В Астане, признанной столице Евразии, непрерывно проходят международные встречи, форумы и конгрессы, а гости не устают славить и сам город, и его основателя.

В России идеи нового масштабного строительства супергородов «в чистом поле», как уже отмечалось, предполагают реализовывать в формах, близких к столичному казахскому образцу. Так, в начале 2008 г. на крупнейшем международном архитектурном форуме в Каннах был представлен проект Glob Town («город-шар»), разработанный применительно к территории нынешнего города Бор – одного из самых благополучных муниципальных образований Центральной России (расположен напротив Нижнего Новгорода на другом берегу Волги). Автор проекта Данте Бенини проектировал здания в Милане, Стамбуле, Амстердаме и даже запроектировал еще одну «падающую башню» в Пизе. В Glob Town кроме центрального 120-метрового здания-шара спроектированы три 600-метровые башни Международного торгового центра, а также порт, аквапарк, оздоровительный центр, стадион, один из крупнейших в Европе ботанических садов, семейный развлекательный центр типа Диснейленда, тоннель под рекой для метро и автомобилей. При этом высота большинства зданий – 250 м. От весенних паводков пойму должна защитить насыпь, созданная по европейским технологиям. В нижегородском правительстве уже установили сроки строительства – 2010–2030 гг. Стоимость проекта не подсчитана, ориентировочная – до триллиона рублей. Кто будет жить и работать в этом гигантском соседе Нижнего Новгорода? Министр строительства Нижегородской области В. Англичанинов считает, что, в первую очередь, это будут «15–20 тыс. строителей-нижегородцев, которые сегодня работают в Москве» [Шанцев 2008]. Предполагается также, что «город-шар» заселят жители прилегающих областей.

Global Town не единственная, а одна из пяти, представленных в Каннах, идея региональной столицы Нижегородской области. Предполагается строительство комплекса «Остров» на Гребном канале (стоимостью 400 млн долл.), где должны появиться мультимедийный центр научных открытий, крупнейший досуговый и развлекательный центр, аквапарк и океанариум, гостиницы, спортивные залы, большой Дом детского творчества, благоустроенная набережная, пляжная зона, яхт-клуб, автомобильный тоннель и подземные стоянки. Ранее в Нижнем Новгороде было намечено строительство трех речных мостов, канатной дороги через Волгу, комплекса «Сити-стрелка» – делового центра с небоскребами на месте слияния Оки и Волги и т.д. И это при том, что Нижний Новгород во всем, что касается крупного строительства (метромост, объездная дорога и др.) остается городом советского «долгостроя».

Строительство новых крупных городов, а тем более перенос столиц (точнее, столичных функций) в другие города – дело фантастически дорогостоящее и, как правило, длительное, оправданное, повторим, только политическими соображениями и наличием сильной и ресурсно обеспеченной политической воли. К примеру, только политически оправданный перенос столицы Германии из Бонна в Берлин растянулся на многие годы, а строительство архитектурных шедевров *своего времени* – Бразилия (Луис Коста и Оскар Нимейер) и Чандигарха (Ж.-Э. Корбюзье) создало лишь проблемы, которых больше, чем их решений.

Предположения и прогнозы

По нашим предположениям, в ближайшие годы можно ожидать дальнейшего усиления явлений региональной столичности, воздействующих на экономическую и социальную ситуацию в России. В более отдаленной перспективе это представляется весьма нежелательным, тем более что существуют вполне серьезные предупреждения о наступлении периода глобальной гиперурбанизации. Такие идеи, например, озвучивались и обсуждались на конференции «Urban XXI», проведенной в Берлине в начале июля 2000 г., в которой участвовали 3000 политиков, экономистов, демографов, архитекторов практически из всех стран мира. Достаточно уверенно прогнозировалось, что через 30 лет число городских жителей возрастет на 5 млрд человек, причем трое из пяти горожан будут жить в крупных городах. Прогнозировалось также, что этот рост будет обеспечен за счет стран с невысоким (по европейско-американским меркам) уровнем экономического и социального развития, где «многочисленные потоки людей устремляются в города не потому, что там у них хорошие шансы найти работу, а потому, что в деревнях им попросту не удастся свести концы с концами. Слишком часто люди переселяются в города от отчаяния и устраиваются в них с большим трудом»¹⁸.

¹⁸ Как отмечали докладчики, в развивающихся странах более четверти горожан уже живут за чертой бедности (в Африке южнее Сахары – около 40%); городская бедность за последние 20 лет по темпам распространения обгоняет сельскую (явление ранее невозможное), однако в настоящее время и в ближайшие годы городская среда явно притягательнее для бедняков, чем сельская.

Эту прогнозируемую ситуацию хорошо обрисовала в статье «Перспективы полицентрического развития пространства России» О. Вендина [Россия и ее регионы 2005, с. 307–309], которая рассматривала концепции «мировых», или «глобальных», городов Дж. Фримена, С. Сассен, Р. Петреллы и других урбанистов в контексте процессов глобализации. Вендина констатирует: в центрах мирового развития стремительными темпами растет благосостояние и концентрируется капитал, что происходит на фоне экономической децентрализации и дезурбанизации, ставших общемировыми процессами. Она приводит объяснение этого феномена, данное С. Сассен: «...креативный потенциал мировых городов, их способность не просто банально “обслуживать” мировой капитал, которой в той или иной степени обладают все столицы мира и крупные города, а вырабатывать качественно новые подходы к получению прибыли от множественных взаимодействий, неизбежных при стыковке национальных экономик с мировой. Сочетание монополии на новое знание с традиционными выгодами экономического и географического положения определяет их исключительность, делая единичными среди множества потенциально способных претендовать на этот статус».

В этой же статье комментируется потенциально возможный к 2025 г. сценарий изменения мира, представленный Р. Петреллой. «Его образ мира – это “архипелаги богатства”, образуемые немногими городскими регионами, в окружении мировой люмпенизированной периферии. На смену Большой Семерке ведущих государств приходит Большая Тридцатка городов», – считает Вендина; несмотря на всю фантастичность этого сценария, он заставляет задуматься о том, как долго могут продолжаться горизонтальные процессы перетекания финансовых, человеческих, информационных, товарных и других потоков, которые описываются в терминах глобализации и приводят к перераспределению экономического и политического влияния. Как будет выглядеть постглобализационный мир, когда наступит очередной период доминирования процессов выстраивания новой пространственной иерархии, застывающей в четких структурах мировой системы расселения? Какое место достанется в нем российскому пространству и какую роль оно будет играть? Будет ли по-прежнему его географическая весомость однозначно ассоциироваться с величиной государства или же утратит прежний смысл? Сумеет ли оно сохранить свое значение как главного ресурса развития в условиях пространственно-временного сжатия и гибридизации мира, создаваемых глобализацией? Не окажется ли российское пространство одной из составных частей «люмпенизированной периферии», на фоне которой одиноко будет возвышаться «московский архипелаг»? Есть ли на российских просторах другие города, способные выдержать испытание глобализацией?

Все эти и многие другие вопросы, возникающие при знакомстве с прогнозами формирования «архипелага богатства» применительно к теме данного раздела книги, заставляют более внимательно отнестись к факту появления такого

Особенно подчеркивались большие возможности трудоустройства в городском неформальном секторе, в теневой экономике.

«архипелага» на территории России. Конечно же, это не московский, а общероссийский «архипелаг», и вокруг каждого его «острова» (региональной столицы, крупнейшего города) уже сейчас можно наблюдать все признаки люмпенизированной периферии. Но то, что по прогнозам может еще не скоро произойти в среде суверенных государств мира, уже в какой-то степени становится явью в среде конституционно самостоятельных субъектов Российской Федерации. На территории центральных и северных районов России признаки люмпенизации территорий распространены повсеместно, их можно наблюдать в тысячах деревень и сел, в сотнях малых и средних городов и поселков городского типа. Эти населенные пункты кажутся все более бесперспективными не только потому, что на периферии становится хуже, но и потому, что лидеры (и первые среди них – региональные столицы и крупнейшие города) стремительно уходят в отрыв. Социально-экономическая дифференциация территорий обретает характер все большего социально-экономического и демографического неравенства редких точек относительного благополучия и обширных территорий почти всех субъектов федерации, лишенных признаков такого благополучия.

Исповедуя идеологию реального федерализма, естественности территориальных различий и даже их пользы в пределах сохранения целостности крупных региональных систем, автор считает рассмотренную в этой статье ситуацию вполне органичной для современного периода развития России, но явно неконструктивной в перспективе. Эту ситуацию можно в определенной степени регулировать и обращать на пользу территорий за границами городской черты региональных столиц. В любом случае следует хотя бы оценить серьезность и причин, и системных последствий сверхконцентрации экономического и социального потенциала страны всего лишь в десятой части ее городов.

Литература

- Барт Р. Система Моды: Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.
- Лексин В.Н. Феномен «федерального присутствия» в политической культуре России // Федерализм. 2005. № 4.
- Лексин В.Н., Лексин И.В., Чучелина Н.Н. Качество государственного и муниципального управления и административная реформа. М.: Европроект, 2006.
- Миронов Б.Н. Русский город в 1740-е – 1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.
- Россия и ее регионы в XX веке: территория, расселение, миграция. М., 2005.
- Указ Президента РФ «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе» № 849 от 13 мая 2000 г.
- Хасис Л.А. Сетевая розничная торговля: тенденции и перспективы. М.: ОГИ, 2006.
- Шанцев В. Город-шар // Независимая газета. 2008. 19 марта.
- Шмерлина И. Плывучий мир моды // Социальная реальность. 2006. № 12.
- Leksin V. Russia: A Federation of Regional Capitals // New Actors in Federations. Toronto, 2006.